

ЭКОНОМИКА

Елена Викторовна КУРУШИНА¹

УДК 332.02+331.556

ДОСТИЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НА ОСНОВЕ МЕТОДОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКООРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА

¹ кандидат экономических наук, доцент
кафедры экономики и организации производства,
Тюменский индустриальный университет
kurushina.tsogu@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5608-2020

Аннотация

Необходимость обеспечения эффективной реализации Стратегии пространственного развития для решения накопившихся проблем требует формирования нового методологического подхода. На основе исследования современных антропоцентричных теорий развития были выделены типы моделей управления по элементам целеполагания, ориентированного на человеческое развитие, согласования целей между стейкхолдерами, использования характеристик человеческого капитала в качестве ключевого фактора развития, а также для формирования механизмов управления на основе дифференцированного подхода. Для обоснования управленческих решений по достижению стратегических целей пространственного развития в рамках методологии человекоориентированного подхода был сформирован методический комплекс, включающий методику оценки человекоориентированного развития, регрессионные модели приростов человеческого капитала за счет миграционных и репродуктивных процессов, методики типологизации регионов по объективным и субъективным характеристикам привлекательности территорий для населения. Апробация методики, направленной

Цитирование: Курушина Е. В. Достижение целей пространственного развития на основе методологии человекоориентированного подхода / Е. В. Курушина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Том 5. № 3 (19). С. 160-178.
DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178

на достижение одной из важнейших целей пространственного развития 1 уровня, на примере субъектов Уральского федерального округа позволила оценить не только уровень человекоориентированного развития, но также степень его сбалансированности по среднеквадратическому отклонению показателей структуры составляющих, включая экономическую, социоприродную и инклюзивную. Полученные результаты позволили позиционировать регионы в матрице «уровень человекоориентированного развития — сбалансированность составляющих». Совмещение матричного анализа субъектов Уральского федерального округа с результатами типологизации этих регионов по субъективным характеристикам привлекательности территорий позволило выявить зависимость степени реакций мигрантов на изменение качества жизни и человекоориентированное развитие. Проведенное исследование позволило обосновать необходимость повышения уровня и сбалансированности составляющих человекоориентированного развития регионов с позиций эффективности управления размещением человеческого капитала, необходимого для достижения целей формирования новых центров экономического роста и обеспечения демографической безопасности России.

Ключевые слова

Пространственное развитие, человекоориентированный подход, методология, управление человеческим капиталом.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178

Введение

Отличительной особенностью становления постнеклассического этапа научного познания является переход от техногенных ценностей к гуманитарным. В исследовании экономического развития эта тенденция, сформировавшаяся во второй половине XX в., прослеживается через изменение приоритетов управления. В 1980-х гг. стало очевидно, что экономический рост перестал являться «главной и основной целью развития» общества [5]. Формирование новой концепции развития впервые нашло свое отражение в количественных оценках ПРООН на основе Индекса человеческого развития в Докладе 1990 г.

В современных программных документах, связанных с управлением социально-экономическим развитием России, четко прослеживается человекоориентированный вектор. В рамках утвержденных 12 национальных проектов, намеченных к реализации на 2019-2024 гг., определены три основных направления развития: человеческий капитал (4 проекта), комфортная среда для жизни (3 проекта) и экономический рост (5 проектов).

Опубликованный в конце апреля 2019 г. Указ Президента № 193 определил ценностную ориентацию развития регионов через оценку эффективности работы губернаторов, которая на 80% зависит от степени достижения социально значимых результатов. Среди установленных 15 KPI 2 отражают уровень доходов/бедности населения, 5 — комфортность среды проживания, 3 — характеристики состояния и развития человеческого капитала, 2 — возможности его эффективного применения на рынке труда. Тринадцатый индикатор представляет собой отразфлексии-

рованную характеристику успешности социально-экономической политики — уровень доверия населения к власти федерального и регионального уровней.

Реализация государственных программ социально-экономического развития предыдущего поколения (начиная с 2007 г.) с использованием унифицированных подходов для всех территорий не смогла предотвратить тенденций центростремительного стягивания экономической активности и населения в наиболее благополучные регионы, что усилило фрагментарность российского пространства и расслоение в обществе. Учитывая размеры и ресурсный потенциал российских территорий, была разработана и утверждена в 2019 г. Стратегия пространственного развития РФ, ориентированная, в первую очередь, на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения. Достижение намеченных программных и стратегических целей, по мнению автора, невозможно без применения дифференцированного подхода к управлению территориями, которые отличаются не только разнородностью экономико-географических характеристик, но также количественными и качественными характеристиками человеческого капитала, особенностями ментальности населения, обуславливающими различные поведенческие реакции акторов и в целом региональных систем на изменения.

Целью работы является повышение обоснованности управленческих решений по реализации стратегии пространственного развития России на основе формирования методологии человекоориентированного подхода.

Теоретико-методологическая основа исследования

Исследование проводилось с использованием методов логического, исторического и контент-анализа, а также методов матричного и статистического анализа.

Теоретико-методологическая основа исследования представлена пятью направлениями формирования человекоориентированного подхода.

1. *Концепция человеческого развития* (КЧР) расширила спектр ценностных ориентаций предшествующей концепции экономического роста. Еще в трудах А. Маршалла (1890 г.) материальное богатство рассматривалось как средство (а не цель) поддержания жизни человека, развития его физических и умственных сил [8]. Поворотным моментом в концептуальном осмыслении развития послужило исследование А. Льюиса (1955 г.), результатом которого явилось признание существования выбора у человека [26].

Официальный статус КЧР получила благодаря Глобальному докладу ПРООН (1990 г.), в котором был представлен новый подход к развитию на основе исследования А. Сена (1989 г.), включающего в целевые ориентиры не только улучшение характеристик жизнедеятельности, но также равенство и расширение возможностей человека [32]. Большой вклад в формирование теоретико-концептуальной основы человеческого развития внесли работы М. уль-Хака (1995 г.) [24], а также К. Гриффина и Дж. Найта (1989 г.) [23]. Концепция человеческого развития нашла отражение в трудах многих зарубежных (Г. Беккера, Т. МакКинли, Э. Брюна, Ш. Шарпа, Э. Фонга) и отечественных ученых (Е. М. Андреева, С. Н. Бобылева, А. Г. Вишневого, Г. Ю. Гагариной, А. А. Дынкина, Н. В. Зубаревич, Г. В. Леонидовой, А. А. Шабуновой и др.).

КЧР, по мнению автора, эволюционировала в двух направлениях — расширении и конкретизации характеристик человеческого потенциала (как результата развития человека) и качества жизни населения (как условий развития).

Концепция человеческого потенциала получила развитие в ежегодных докладах ПРООН через формирование следующих индексов: 1) человеческого развития (1990 г.); 2) свободы человека (1991 г.); 3) политической свободы (1992 г.); 4) развития с учетом гендерного фактора (1995 г.); 5) нищеты населения развивающихся стран (1997 г.) и промышленно развитых стран (1998 г.), а также других показателей.

Концепция качества жизни развивалась в направлении оценки различных характеристик и условий жизни человека. К наиболее известным методическим разработкам можно отнести следующие из них: 1) Индекс качества жизни (Quality-of-life index) компании Economist Intelligence Unit; 2) Индекс лучшей жизни (The OECD Better Life Index) ОЭСР; 3) Рейтинговый балл по качеству жизни российского агентства «РИА Рейтинг».

Рассматривая качество жизни как совокупность характеристик условий жизнедеятельности населения, Л. А. Беляева (2009 г.) обращает внимание на наличие объективных и субъективных оценок удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей в зависимости от системы ценностей и социальных стандартов, принятых в обществе [3, с. 34].

2. *Теория человеческого капитала* тесно связана с теорией факторов производства и ресурсным подходом к развитию, который Дж. Барни рассматривал в контексте роста конкурентных преимуществ [18]. В современных моделях главными факторами экономического роста и развития выступают различные характеристики человеческого капитала (ЧК), включая следующие:

- количество ЧК, измеряемого уровнем образования и здоровья, — в модели Р. Дж. Барро и Х. Сала-и-Мартина (2010 г.) [1, с. 24];
- способность ЧК к самообучению, распространению знаний и опыта — в известных моделях эндогенного роста П. Ромера (1986 г.) [28] и Р. Лукаса (1988 г.) [27].

Понятие человеческого капитала, введенное Т. Шульцем (1961 г.) [31], предполагает не только наличие, но и возможность развития способностей человека, представляющих определенную ценность, благодаря вложениям [30]. Развивая это положение применительно к управлению территориями, А. И. Татаркин (2011 г.) провозгласил *человекоориентированную парадигму* развития, в соответствии с которой при формировании региональной политики важнейшими императивами становятся:

- инвестирование по широкому спектру направлений в человеческий капитал;
- использование мотивационных факторов для повышения результативности;
- пересмотр поведенческих моделей [13, с. 48].

3. *Теории, концепции и парадигмы пространственного развития* также эволюционировали в направлении перехода от жесткого рационализма к человекоориентированному подходу. Это нашло отражение в смене *парадигмы го-*

родского развития, предполагающей организацию «пространства для жизни» вместо «пространства для работы» [4], а также в концепции «Умного города». Технократическая концепция «Умный город 1.0», связанная с первоочередным строительством объектов инфраструктуры и инвестированием в технологии, трансформировалась в *антропоцентричную концепцию* «Умный город 3.0», ориентированную на качество жизни, ресурсы и инновации [14].

Большинство современных теорий пространственного развития прямо или косвенно связывают экономический рост с концентрацией человеческого капитала, поляризацией экономической деятельности и активизацией населения в сфере предпринимательства и инноваций. Среди них можно выделить ниже следующие теоретические направления:

- *Теории кумулятивного роста*, среди которых особое место занимает теория «Центр — периферия» Дж. Фридманна (1966 г.). Благодаря ядру, где наблюдается высокая плотность населения, происходит зарождение технологических и социальных инноваций [21].
- *Теория агломерационного развития*, разрабатываемая П. Кругманом (1995 г.) [25], П. Ромером (1992 г.) [29], Р. Фиани (1984 г.) [19], объясняет возможности экономического роста за счет концентрации производственной деятельности (а следовательно, и всех ресурсов, включая человеческий капитал), обеспечивающей возрастающую отдачу от масштаба.
- *Теория новой экономической географии* П. Кругмана, М. Фуджиты и Э. Венаблеса (1999 г.) связывает агломерационные эффекты с диверсификацией экономики и социально-культурным разнообразием [22] (в основном обеспечиваемым за счет притока мигрантов).

4. *Теория креативного класса* Р. Флориды (2005 г.) акцентирует внимание на роли креативного класса¹, оказывающего наибольшее влияние на региональный экономический рост по сравнению с другими факторами [15]. В этой теории синтезированы теория человеческого капитала (при условии более высокой значимости умственного труда по сравнению с физическим как фактора, определяющего развитие) и теории поляризации пространства. Подлинным источником экономического роста Р. Флорида (2014 г.) считает «кластеризацию и концентрацию талантливых, продуктивных людей» [16].

5. *Концепция стейкхолдеров* Р. Э. Фримена (1984 г.) состоит в максимальном удовлетворении интересов заинтересованных сторон [20]. Отсутствие консенсуса между социальными группами, по мнению А. Г. Поляковой, Ю. Н. Нестеренко и Е. А. Свердликовой (2019 г.), является индикатором неустойчивости проведения реформ [9, с. 151]. Заимствованная из менеджмента корпораций, в настоящее время концепция стейкхолдеров широко применяется в практике управления региональным развитием, предполагающим учет интересов насе-

¹ Креативный класс состоит из суперактивного ядра (ученые, инженеры, профессора университетов, писатели, художники, архитекторы), интеллектуальной элиты (авторы популярных книг, редакторы, деятели культуры, аналитики, обозреватели и др.) и креативных специалистов, работающих в разных отраслях, выполняющих творческие задачи.

ления, государства и бизнеса. Как отмечает Е. А. Капогузов (2018 г.), в России «идеи инициативного и партиципаторного бюджетирования¹» возникли в рамках научного обсуждения повышения результативности этих процессов [6, с. 93]. Среди научных трудов по данной тематике особого внимания заслуживают исследования В. Л. Тамбовцева (2008 г.) [11], в частности его совместная работа с А. Е. Шаститко (2006 г.) [12], а также других ученых, исследующих положительные эффекты в использовании бюджетных расходов от применения практик привлечения населения к управлению [2, 17].

Результаты

Исследование направлений применения человекоориентированного подхода к управлению социально-экономическим развитием позволило выделить несколько типов моделей стратегического планирования², отличающихся структурными элементами, в рамках которых был применен этот подход (рис. 1). К этим элементам отнесены следующие из них:

- 1) *цели*, формируемые на основе системы ценностей человеческого развития;
- 2) наличие (или отсутствие) процедуры *согласования целей* между акторами;
- 3) характеристики человеческого капитала как *факторы развития*, используемые в стратегии;
- 4) формирование *механизмов* реализации стратегии с учетом особенностей человеческого капитала и условий его развития.

Экспликация иерархии целей пространственного развития в контексте человекоориентированного подхода (рис. 2) позволяет выявить востребованность большинства из моделей, в которых используются элементы этой методологии.

Методическое обеспечение пространственного развития в рамках методологии человекоориентированного подхода представлено в таблице 1.

Для достижения цели пространственного развития 1А в рамках модели управления 1.2 возникает необходимость в разработке методики оценки устойчивого и сбалансированного развития, ориентированной на повышение качества жизни в регионах. Авторский подход [7] базируется на системе потребностей населения, в которую включены помимо физиологических потребности в безопасности, общении и самореализации личности, описываемые 12 показателями-факторами, интерпретируемыми как объективные характеристики привлекательности территории для жизнедеятельности. На основе факторного анализа 12 характеристик и полученных нагрузок на главные компоненты методом среднезвешенных оценок были сформированы 3 составляющие вектора *чело-векоориентированного развития* (ЧОР) территорий.

¹ Эти формы бюджетирования предполагают активное вовлечение граждан в процесс формирования бюджетов органами власти.

² Под моделью стратегического планирования понимается последовательность процессов по проведению стратегического анализа, целеполаганию, определению стратегии как пути достижения цели, разработке механизмов ее реализации.

Экономическая составляющая ЧОР отражает уровень удовлетворения физиологических потребностей населения (по реальной заработной плате и обеспеченности новым жильем), потребностей в услугах третичного сектора экономики (оцениваемого по объему услуг связи на одного жителя) и конкурентоспособных товарах, производимых на территории региона (измеряемых по экспорту на душу населения).

Социоприродная составляющая ЧОР формируется исходя из благоприятности среды проживания (оцениваемой по ожидаемой продолжительности жизни и по криминогенной обстановке), а также удовлетворения потребностей общения (благодаря плотности населения и обеспеченности регионов транспортными коммуникациями).

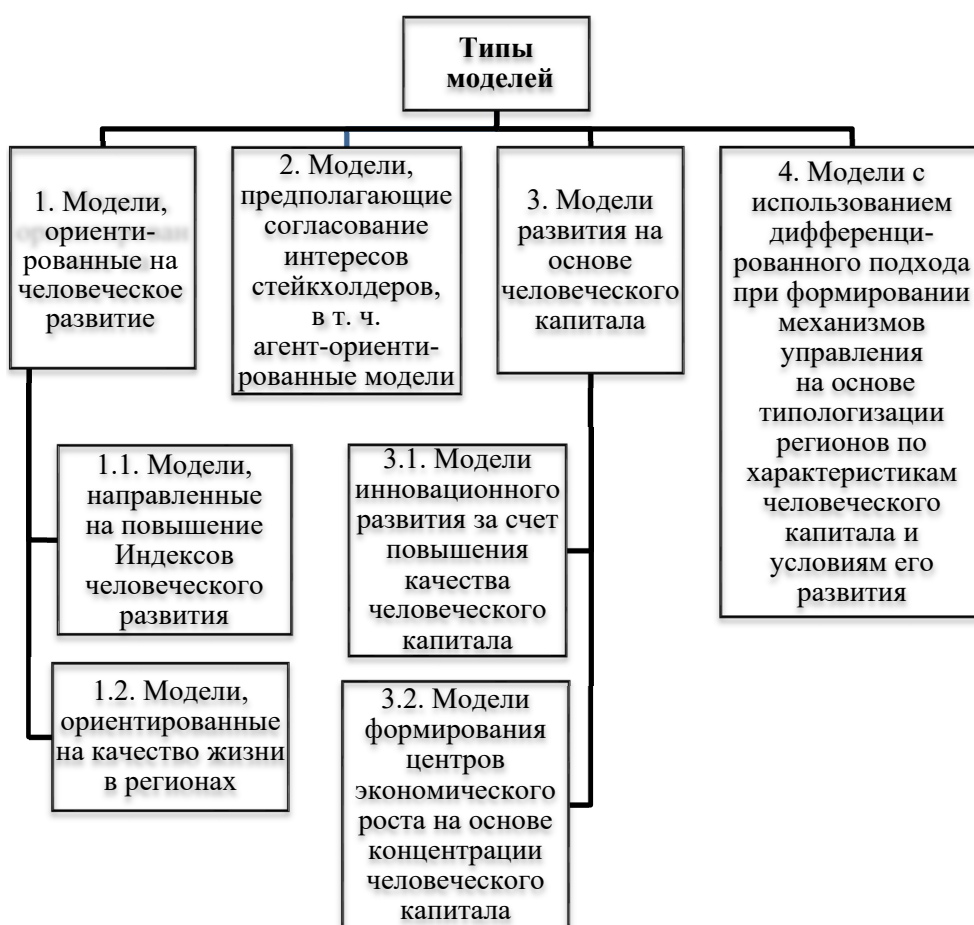

Рис. 1. Типы моделей социально-экономического развития с использованием элементов человекоориентированного подхода

Fig. 1. Types of socio-economic development models using elements of the human-oriented approach

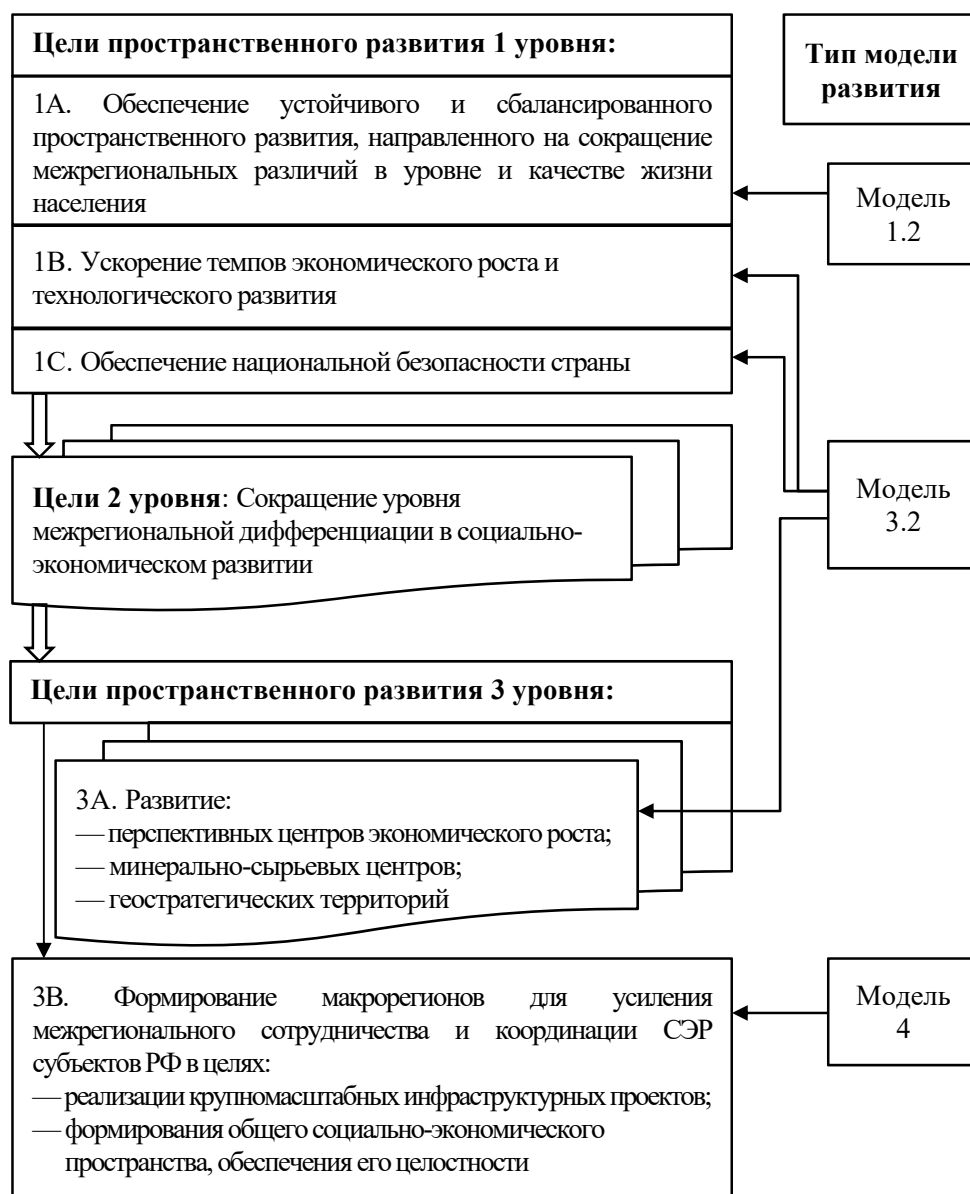

Рис. 2. Использование типов моделей человекоориентированного подхода в достижении целей Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года

Fig. 2. Use of human-oriented approach types in achieving the goals of the RF Strategy for Spatial Development until 2025

Таблица 1

Методическое обеспечение обоснования управленческих решений по достижению целей Стратегии пространственного развития РФ

Table 1

Methodological support for the justification of management decisions to achieve the goals of the RF Strategy for Spatial Development

Авторские методики	Модели	Цели пространственного развития
1. Методика человекоориентированного развития (ЧОР)	1.2	1А
2. Методики формирования регрессионных моделей миграционного и репродуктивного прироста населения в регионах в зависимости от характеристик привлекательности территорий	3.2	1В 1С 3А
3. Методики формирования типологии регионов по объективным и по субъективным характеристикам привлекательности территорий для жизнедеятельности	3.2, 4	3А 3В

*Инклюзивная составляющая*¹ ЧОР характеризуется социальной защищенностью пенсионеров в регионе, благоприятностью среды на рынке труда, в сфере малого предпринимательства и инновационной активности.

Апробация авторской методики на примере субъектов УрФО позволила определить уровни составляющих вектора ЧОР территорий (рис. 3), а также их сбалансированность, оцененную по величине стандартного отклонения долей (таблица 2).

Для ускорения экономического развития (цель 1В) путем формирования и развития центров экономического роста (цель 3А), обеспечения демографической безопасности (цель 1С) удаленных восточных и северных территорий России требуется решить проблему управления размещением человеческого капитала как главной составляющей производительных сил. В первую очередь возникает необходимость в управлении миграционными потоками (метаболизмом региональных социально-экономических систем), поскольку репродуктивная функция обеспечивает более длительный период приращения человеческого капитала, необходимого для экономического развития.

Авторский подход к формированию модели (3.2), предназначенной для управления концентрацией ЧК в планируемых центрах экономического роста и регионах, базируется на формировании регрессионных моделей коэффициентов миграционного и репродуктивного прироста населения в регионах. В качестве независимых переменных выступают 12 показателей-факторов привлекательности территории для жизнедеятельности, рассмотренных выше.

¹ Инклюзивная составляющая вектора человекоориентированного развития характеризует привлекательность территории с позиций качества трудовой жизни.

Учитывая неоднородность социально-экономического пространства России, методикой предусмотрены процедуры типологизации территорий по объективным характеристикам качества жизни в регионах (таблица 3) методами иерархической кластеризации [7]. Для каждого типа регионов составляются модели прироста человеческого капитала, позволяющие выявлять наиболее важные характеристики привлекательности территорий для населения.

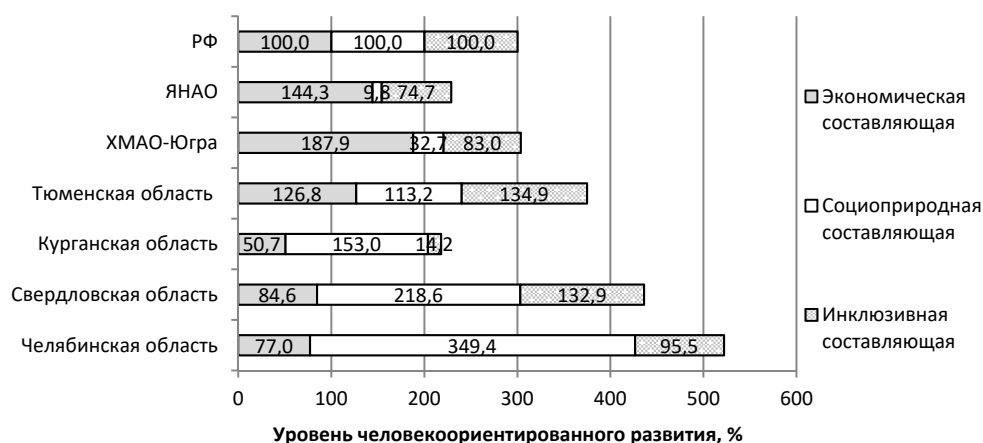

Рис. 3. Человекоориентированное развитие субъектов УрФО в 2017 г. в разрезе составляющих (по значениям относительно РФ)

Fig. 3. Human-oriented development of the UFD entities in 2017 in terms of the components (according to the values relative to the RF)

Таблица 2

Оценка степени сбалансированности компонент человекоориентированного развития по субъектам УрФО, %

Table 2

Estimation of the degree of equilibrium of human-oriented development components by UFD subjects, %

Субъект УрФО	Структура ЧОР по составляющим			Стандартное отклонение
	экономической	социоприродной	инклюзивной	
ЯНАО	63,1	4,3	32,7	29,4
ХМАО-Югра	61,9	10,8	27,3	26,1
Тюменская область	33,8	30,2	36,0	2,9
Курганская область	23,3	70,2	6,5	33,0
Свердловская область	19,4	50,1	30,5	15,6
Челябинская область	14,8	66,9	18,3	29,2
В среднем по РФ	33,3	33,3	33,3	0,0

Для *сокращения уровней межрегиональной социально-экономической дифференциации в развитии (цель 2)*, представляющей серьезную проблему в связи с ростом разрывов между регионами [10, с. 162], задействования потенциала межрегионального сотрудничества и повышения управляемости пространственными трансформациями в Стратегии пространственного развития предусмотрено *формирование макрорегионов (цель 3В)*. Основываясь на опыте межстрановой интеграции, подбор регионов-партнеров для сотрудничества должен осуществляться на основе схожести характеристик социально-экономического пространства, что предполагает использование моделей развития, основанных на дифференцированном подходе.

Авторский подход к формированию модели (4) предполагает использование типологий регионов, построенных на основе схожести как *объективных* характеристик качества жизни в регионах, так и *субъективных* (таблица 3). Для оценки субъективных характеристик в авторской методике применен принцип «голосования ногами» с использованием инструментария парных корреляций, позволяющий выявить степень связи между изменением характеристик среды и миграциями населения.

Обсуждение

Апробация разработанного методологического подхода в рамках модели 1.2 позволила выявить не только уровень человекоориентированного развития субъектов УрФО, но также степень сбалансированности компонент. Наиболее высокий уровень ЧОР (рис. 3) по субъектам УрФО наблюдался в Челябинской области, составив в 2017 г. 522%, а минимальный — в Курганской области —

Таблица 3

Типология субъектов УрФО по схожести пространства с позиций человекоориентированного развития

Table 3

Typology of the UFD subjects by similarity of space from the standpoint of human-oriented development

Субъект УрФО	Типы регионов по характеристикам человекоориентированного развития	
	объективным	субъективным («голосования ногами»)
Тюменская область	Экономически ориентированный тип	С высокой корреляцией (ВК)
ХМАО-Югра		Со слабой корреляцией (СЛК)
ЯНАО		
Курганская область	Социоприродный тип	Со средней корреляцией (СрК)
Свердловская область		
Челябинская область		

218%. Лучший субъект УрФО превышает среднероссийский (300%) уровень ЧОР в 1,74 раза. ЧОР Курганской области «не дотягивает» до общероссийского уровня по причине низкой инклюзивной составляющей (качества трудовой жизни), а ЯНАО — по причине недостаточного социоприродного развития.

По сбалансированности компонент (таблица 2) наиболее благоприятная ситуация наблюдается по Тюменской области, поскольку стандартное отклонение долей составляющих ЧОР не превышает 3%. Наибольший дисбаланс наблюдается в Курганской области, судя по стандартному отклонению, составляющему 33%. Высокая несбалансированность наблюдается по ЯНАО (29,4%) и по Челябинской области (29,2%). Недостаточное человекоориентированное развитие по экономической составляющей в Челябинской области во многом обусловлено низким уровнем экспорта на душу населения (характеризующего конкурентоспособность производств), который составляет менее 60% общероссийского уровня.

Особый интерес представляет сопоставление результатов анализа по следующим авторским методикам:

- 1) уровня и сбалансированности составляющих ЧОР (модель 1.2);
- 2) миграционного прироста в регионах в зависимости от характеристик привлекательности территорий (модель 3.2);
- 3) типологий регионов по субъективным характеристикам привлекательности территорий для мигрантов (модель 4).

В результате анализа возник резонный вопрос: зависит ли степень субъективного восприятия мигрантами привлекательности российских регионов от уровня и сбалансированности составляющих ЧОР? Для проверки этой гипотезы был применен матричный анализ ЧОР регионов в координатах «уровень — сбалансированность составляющих» с наложением на него типологии регионов по субъективным характеристикам привлекательности территорий с высокой (ВК), средней (СрК) и слабой (СлК) корреляцией с миграционными приростами. Результаты совмещенного анализа приведены на рис. 4.

1 сегмент матрицы «высокий уровень ЧОР — высокая сбалансированность составляющих» характеризуется наиболее высокой корреляцией между привлекательностью территорий как среды обитания и притоком населения в регион (Тюменская область).

2 сегмент матрицы «высокий уровень ЧОР — средняя сбалансированность составляющих» характеризуется средней корреляцией между привлекательностью территории для жизнедеятельности и притоком населения (Свердловская и Челябинская области).

3 сегмент матрицы «невысокий уровень ЧОР — средняя сбалансированность составляющих» (ХМАО-Югра и ЯНАО) и 4 сегмент матрицы «невысокий уровень ЧОР — низкая сбалансированность составляющих» (Курганская область) характеризуются очень слабой корреляцией между привлекательностью территорий и притоком населения в регионы.

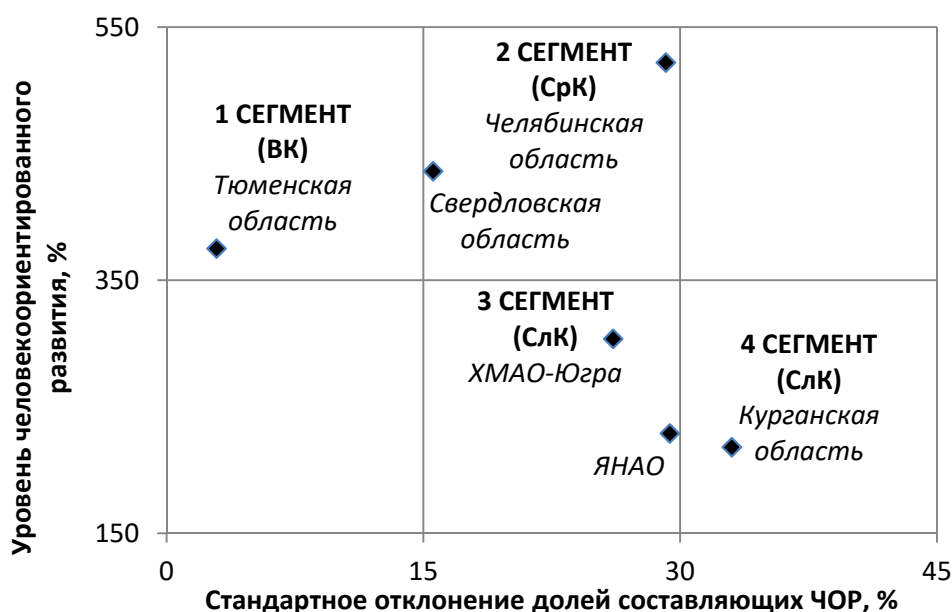

Рис. 4. Совмещенный анализ матрицы человекоориентированного развития субъектов УрФО и типологии регионов по субъективным характеристикам привлекательности территорий

Fig. 4. Combined analysis of the matrix of human-oriented development of the UFD subjects and regional typology by subjective characteristics of the territories' attractiveness

Совмещенный анализ позволяет проследить закономерность между объективными характеристиками (уровнем и сбалансированностью компонент ЧОР) и субъективными характеристиками, отражающими реакцию мигрантов на условия жизнедеятельности в регионах. Чем выше уровень и, особенно, сбалансированность компонент, тем сильнее взаимосвязь между характеристиками привлекательности территорий и миграциями. Из этого можно сделать вывод, что реализация мер государственной политики по повышению качества жизни (в том числе в рамках национальных проектов) приведет к концентрации населения в регионах с высоким и сбалансированным уровнем составляющих ЧОР. Следовательно, для регионов необходимо разрабатывать меры с использованием дифференцированного подхода на основе материалов по их типологической принадлежности.

Заключение

Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Формирование и развитие человекоориентированного подхода — это объективный процесс эволюции ценностных ориентаций общества.
2. Методология человекоориентированного подхода охватывает все элементы модели стратегического планирования, включая целеполагание, согласо-

- ние целей, обоснование стратегии на основе ключевого фактора развития и формирование механизмов управления с учетом поведенческих реакций.
3. Применение методологии для управления изменениями в пространственной организации общества реализовано в виде разработки методического обеспечения управленческих решений по достижению целей Стратегии пространственного развития.
 4. Методика человекоориентированного развития, разработанная для оценки достижения цели устойчивого и сбалансированного развития, ориентированного на повышение качества жизни, позволяет определить уровень и степень сбалансированности пространственного развития, позиционировать регионы в рамках матричного анализа.
 5. Для управления размещением человеческого капитала, обеспечивающим формирование новых центров экономического роста и демографическую безопасность российского пространства, предусмотрено формирование моделей регрессионного миграционного и репродуктивного приростов населения на основе повышения характеристик привлекательности территорий для жизнедеятельности.
 6. Типологизация регионов по объективным и субъективным характеристикам привлекательности территорий для населения как составляющая методического комплекса позволяет получить аналитические материалы для применения дифференцированного подхода при управлении пространственным развитием, а также для успешности реализации межрегиональных проектов при формировании макрорегионов.
 7. Обобщение результатов анализа, проведенного с применением авторских методических разработок, позволило прийти к заключению, что несбалансированное и недостаточное человекоориентированное развитие территорий снижает эффективность управления размещением важнейшего фактора пространственного развития — человеческого капитала, что проявляется в слабых реакциях населения на меры воздействия.
 8. Для повышения действенности механизмов управления пространственным развитием необходимо использовать аналитические материалы, получаемые в результате исследования с применением методологии человекоориентированного подхода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барро Р. Дж. Экономический рост / Р. Дж. Барро, Х. Сала-и-Мартин. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2010. 824 с.
2. Беленчук А. А. Инициативное бюджетирование как инструмент повышения эффективности бюджетных расходов / А. А. Беленчук, В. В. Вагин, И. Е. Шульга // Финансы. 2017. № 8. С. 10-21.
3. Беляева Л. А. Уровень и качество жизни: проблемы измерения и интерпретации / Л. А. Беляева // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 33-42.

4. Грудинин М. Ю. Подходы к планированию новых городов. Концепт города-интерфейса на Российском Дальнем Востоке / М. Ю. Грудинин // Петербургский международный экономический форум (16 июня 2016 г.). URL: <https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEPN2Z6RU0/view> (дата обращения: 15.04.2019).
5. Докторович А. Б. Генезис теорий и концепций человеческого развития / А. Б. Докторович // Электронное научное издание «Альманах „Пространство и Время“». 2014. Том 7. № 1. С. 7.
6. Капогузов Е. А. Взаимосвязь стратегического планирования, инициативного и продуктового бюджетирования в России и за рубежом / Е. А. Капогузов // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 92-96. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-92-96
7. Курушина Е. В. Человекоориентированное развитие российских регионов: монография / Е. В. Курушина, И. В. Дружинина. Тюмень: ТИУ, 2016. 158 с.
8. Маршалл А. Принципы экономической науки / А. Маршалл. М.: Директ-медиа, 2012. 2127 с.
9. Полякова А. Г. Модель устойчивости институционального реформирования / А. Г. Полякова, Ю. Н. Нестеренко, Е. А. Свердликова // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1-2. С. 147-153.
10. Симонова Л. М. Пространственное стратегирование России / Л. М. Симонова, И. А. Ефремова // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 4. С. 161-174. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-161-174
11. Тамбовцев В. Л. Бюджетирование, ориентированное на результаты: какие именно? / В. Л. Тамбовцев // Общественные финансы. 2008. № 17. С. 22-32.
12. Тамбовцев В. Работоспособность бюджетирования государственных расходов, ориентированного на результат / В. Тамбовцев, А. Шаститко // Экономическая политика. 2006. № 3. С. 129-147.
13. Татаркин А. И. Программно-проектное развитие регионов как условие устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации / А. И. Татаркин // Вестник Уральского федерального университета. Серия: Экономика и управление. 2011. № 4. С. 46-55.
14. «Умный город» XXI века: возможности и риски смарт-технологий в городском ребрендинге / под ред. проф. И. А. Василенко. М.: Международные отношения, 2018. 256 с.
15. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее: монография / Р. Флорида; пер. с англ. М.: Классика-XXI, 2005. 430 с.
16. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства: монография / Р. Флорида; пер. с англ. Е. Лобковой. М.: Strelka Press, 2014. 366 с.
17. Цуркан М. В. Повышение бюджетной грамотности населения сельских территорий в рамках инициативных проектов / М. В. Цуркан, М. А. Любская, О. А. Наумова // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2017. № 2 (148). С. 88-100.
18. Barney J. Firm resources and sustained competitive advantage / J. Barney // Journal of Management. 1991. Vol. 17. No 1. Pp. 99-120.

19. Fiani R. Increasing returns, non-traded inputs and regional development / R. Fiani // *Economic Journal*. 1984. Pp. 308-323.
20. Freeman R. E. *Strategic Management: A Stakeholder Approach* / R. E. Freeman. First Edition. Boston: HarperCollins College Div, January 1984. 275 p.
21. Friedmann J. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela* / J. Friedmann. Cambridge: MIT Press, 1966. 279 p.
22. Fujita M. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade* / M. Fujita, P. Krugman, A. J. Venables. The MIT Press, 1999. 367 p.
23. Griffin K. Human development in the 1980s and beyond / K. Griffin, J. Knight // *Journal of Development Planning*. 1989. No 19 (Special number).
24. Haq M. ul. *Reflections on Human Development* / M. ul Haq. New York: Oxford University Press, 1995. 288 p.
25. Krugman P. *Development, Geography and Economic Theory* / P. Krugman. Cambridge: MIT Press, 1995. 117 p.
26. Lewis W. A. *The Theory of Economic Growth* / W. A. Lewis. London: George Allen & Unwin Ltd., 1955. 453 p.
27. Lucas R. On the mechanics of economic development / R. Lucas // *Journal of Monetary Economics*. 1988. Vol. 22. Pp. 3-42.
28. Romer P. M. Increasing returns and long-run growth / P. M. Romer // *Journal of Political Economy*. 1986. Vol. 94. No 5, October. Pp. 1002-1037.
29. Romer P. Increasing returns and new developments in the Theory of Growth / P. Romer // NBER Working paper 3098. 1989. DOI: 10.3386/w3098
30. Schultz T. W. *Investing in People: The Economics of Population Quality* / T. W. Schultz. Berkeley, CA: University of California Press, 1981. 173 p. DOI: 10.1017/S0084255900037530
31. Schultz T. W. Investment in human capital / T. W. Schultz // *American Economic Review*. 1961. No 51. Pp. 1-17.
32. Sen A. Development as capability expansion / A. Sen // *Journal of Development Planning*. 1989. No 19. Pp. 41-58.

Elena V. KURUSHINA¹

UDC 332.02 + 331.556

ACHIEVING THE SPATIAL DEVELOPMENT GOALS USING THE HUMAN-DRIVEN APPROACH

¹ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Department of Economics and Production Organization,
Industrial University of Tyumen
kurushina.tsogu@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-5608-2020

Abstract

Efficient implementation of the Spatial Development Strategy is necessary to solve the accumulated problems, and this requires defining a new methodological approach. Relying on the review of modern anthropocentric development theories, the author suggests the types of management models in terms of several elements. They include the goal setting with the focus on the human development, the goal adjustment among the stakeholders, the application of human capital characteristics as the key development factor, and the formation of management mechanisms based on the differential approach. This study explains the decision making to achieve strategic goals of the spatial development with the methodical complex within the human-oriented (human-driven) approach, comprising the method of assessing the human-oriented development, regression models of the human capital growth due to migration and reproduction processes, and the method of the regional typologization in terms of objective and subjective characteristics of the territory attractiveness for population. The method tested in this work focuses on achieving one of the most important goals of the spatial development of the 1st level on the example of the subjects of the Ural Federal District (UFD). During the test, this method allowed assessing not only the level of the human-oriented development, but also the degree of its balance in terms of the standard deviation of the structural indicators of the development components, including the economic, socio-natural and inclusive components. The results obtained allowed defining the positions of regions in the matrix “human-oriented

Citation: Kurushina E. V. 2019. “Achieving the spatial development goals using the human-driven approach”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 5, no 3 (19), pp. 160-178.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178

development level — balance of components”. Combination of the matrix analysis of subjects of the UFD with the results of the typologization of these regions showed the dependence of the degree of the migrants’ reaction on the changes in the quality of life and the human-oriented development. The performed study provides the evidence towards the need to increase the level and improve the balance of components of the human-oriented development of regions from the viewpoint of the management efficiency of the human capital accommodation. This is essential for creating new centres of economic growth and ensuring the demographic security of Russia.

Keywords

Spatial development, human-oriented approach, methodology, management of human capital.

DOI: 10.21684/2411-7897-2019-5-3-160-178

REFERENCES

1. Barro R. J., Sala-i-Martin X. I. 2010. *Economic Growth*. Moscow: BINOM, Laboratoriya znaniy. [In Russian]
2. Belenchuk A. A., Vagin V. V., Shulga I. E. 2017. “Initiative budgeting as a tool to increase the efficiency of budget expenses”. *Finansy*, no 8, pp. 10-21. [In Russian]
3. Belyaeva L. A. 2009. “Level and quality of life: problems of measurement and interpretation”. *Social Studies*, no 1 (297), pp. 33-42. [In Russian]
4. Grudin M. Yu. 2016. “Approaches for Planning of New Cities. Concept of the City-Interface in the Far East of Russia”. Saint-Petersburg International Economic Forum (16 June). Accessed 15 April 2019. <https://drive.google.com/file/d/0B3q2U4GLSfdddGZDZEZpN2Z6RU0/view> [In Russian]
5. Doctorovich A. B. 2014. “Genesis of theories and concepts of human development”. *e-Almanac Space and Time*, vol. 7, no 1, p. 7. [In Russian]
6. Kapogusov E. A. 2018. “Interconnection of the strategic planning, initiative and product budgeting in Russia and abroad”. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences*, no 1, pp. 92-96. DOI: 10.21603/2500-3372-2018-1-92-96. [In Russian]
7. Kurushina E. V., Druzhinina I. V. 2016. *Human-Oriented Development of the Russian Regions*. Tyumen: Industrial University of Tyumen. [In Russian]
8. Marshall A. 2012. *Principles of Economics*. Moscow: Direct-Media. [In Russian]
9. Polyakova A. G., Nesterenko Yu. N., Sverdlikova E. A. 2019. “Model of sustainability of institutional reforms”. *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava*, no 1-2, pp. 147-153. [In Russian]
10. Simonova L. M., Efremova I. A. 2016. “Spatial Strategizing of Russia”. *Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research*, vol. 2, no 4, pp. 161-174. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-161-174 [In Russian]
11. Tambovtsev V. L. 2008. “Result-driven budgeting: which results?”. *Obshchestvennyye finansy*, no 17, pp. 22-32. [In Russian]

12. Tambovtsev V., Shastitko A. 2006. "Productivity of state expense budgeting focused on result". *Economic Policy*, no 3, pp. 129-147. [In Russian]
13. Tatarkin A. I. 2011. "Program-oriented development of regions as the condition of sustainable socio-economic development of the Russian Federation". *Bulletin of Ural Federal University. Series Economics and Management*, no 4, pp. 46-55. [In Russian]
14. Vasilenko I. A. 2018. "Smart city" of the 21st Century: Opportunities and Risks of the Smart Technologies in the City Rebranding. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. [In Russian]
15. Florida R. 2005. *Creative Class: People That Change the Future*. Translated from English. Moscow: Klassika-XXI. [In Russian]
16. Florida R. 2014. *What Is Your City? Creative Economics and the Choice of Place for Living*. Translated from English by E. Lobkova. Moscow: Strelka Press. [In Russian]
17. Tsyrcan M. V., Lyubskaya M. A., Naumova O. A. 2017. "Increasing the budget literacy of population in the rural areas in the framework of initiative projects". *Vestnik of Samara State University of Economics*, no 2 (148), pp. 88-100. [In Russian]
18. Barney J. 1991. "Firm resources and sustained competitive advantage". *Journal of Management*, vol. 17, no 1, pp. 99-120.
19. Fiani R. 1984. "Increasing returns, non-traded inputs and regional development". *Economic Journal*. Pp. 308-323.
20. Freeman R. E. 1984. *Strategic Management: A Stakeholder Approach*. 1st edition. Boston: Harpercollins College Div..
21. Friedmann J. 1966. *Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge: MIT Press.
22. Fujita M., Krugman P., Venables A. J. 1999. *The Spatial Economy: Cities, Regions, and International Trade*. The MIT Press.
23. Griffin K., Knight J. 1989. "Human development in the 1980s and beyond". *Journal of Development Planning*, no 19 (special number).
24. Haq Mahbub ul. 1995. *Reflections on Human Development*. New York: Oxford University Press.
25. Krugman P. 1995. *Development, Geography and Economic Theory*. Cambridge: MIT Press.
26. Lewis W. A. 1955. *The Theory of Economic Growth*. London: George Allen & Unwin Ltd.
27. Lucas R. 1988. "On the mechanics of economic development". *Journal of Monetary Economics*, vol. 22, pp. 3-42.
28. Romer P. M. 1986. "Increasing returns and long-run growth". *Journal of Political Economy*, vol. 94, October, no 5, pp. 1002-1037.
29. Romer P. 1989. "Increasing returns and new developments in the theory of growth". NBER Working paper 3098. DOI: 10.3386/w3098
30. Schultz T. W. 1981. *Investing in People: The Economics of Population Quality*. Berkeley, CA: University of California Press. DOI: 10.1017/S0084255900037530
31. Schultz T.W. 1961. "Investment in human capital". *American Economic Review*, no 51, pp. 1-17.
32. Sen A. 1989. "Development as capability expansion". *Journal of Development Planning*, no 19, pp. 41-58.